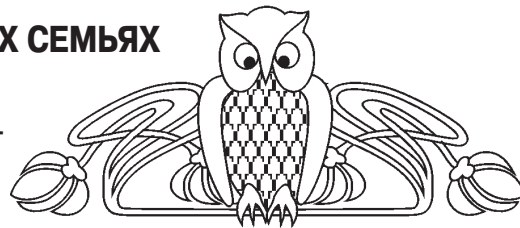

- ⁵ Гиббенет Н. Указ. соч. С. 279.
- ⁶ См.: Грамота патриархов, александрийского Паисия и антиохийского Макария, с извещением о прибытии их в Черный Яр и о попечениях об них иеродиакона Мелетия. 26 июля 1666 г. // Гиббенет Н. Указ. соч. С. 921.
- ⁷ Грамота к царю от патриархов Паисия и Макария о прибытии их в Саратов, где их встретил подъячий Перфирий Оловеников ... После 20 августа 1666 г. // Гиббенет Н. Указ. соч. С. 929.
- ⁸ См.: Гельвих А. Лопухин Федор (Иларион) Аврамович // Русский биографический словарь. СПб., 1914. С. 692.
- ⁹ См.: Краевский Б. П. Лопухины в истории отечества. М., 2001. С. 32.
- ¹⁰ Статьи стольнику Петру Савичу Хитрову, посланному для встречи патриархов. Сентябрь 1666 г. // Гиббенет Н. Указ. соч. С. 933–939.
- ¹¹ Грамота царя Алексея Михайловича к Федору Аврамовичу Лопухину о немедленном прибытии ему из Саратова в Москву и об оставлении там с денежною казною на расходы вселенским патриархам Тайного приказа подъячего Перфиля Оловеникова. 28 июля 1666 г. // Гиббенет Н. Указ. соч. С. 923.
- ¹² Грамота царя Алексея Михайловича к иеродьякону Мелетию... 4 августа 1666 г. // Гиббенет Н. Указ. соч. С. 927–928.
- ¹³ См.: Грамота царя Алексея Михайловича к иеродьякону Мелетию... 5 сентября 1666 г. // Гиббенет Н. Указ. соч. С. 931–933.
- ¹⁴ Донесение Бориса Пазухина и Луки Изъетдинова о путешествии патриархов в Арзамас и о том, что патриархи дорогою принимают челобитья и делают розыски по духовным делам. 2 октября 1666 г. // Гиббенет Н. Указ. соч. С. 960–961.
- ¹⁵ Три донесения Бориса Пазухина и Луки Изъетдинова из Симбирска в Москву. После 19 сентября 1666 г. // Гиббенет Н. Указ. соч. С. 958–960.
- ¹⁶ См.: Андреев И. Л. Алексей Михайлович. М., 2003. С. 352–353; Дворцовые разряды: в 4 т. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 646–658.
- ¹⁷ См.: Распоряжение ко встрече патриархов в Москве // Гиббенет Н. Указ. соч. С. 994–997.

УДК 94=112.2(470.44).06/08

ПРОБЛЕМА ЖЕНЩИН И ДЕТЕЙ В НЕМЕЦКИХ СЕМЬЯХ САРАТОВСКОГО ПРАВОБЕРЕЖЬЯ И ЕЁ ТРАНСФОРМАЦИЯ (середина 1760-х – конец 1920-х гг.)

О. С. Калинина

Саратовский государственный университет
E-mail: kalininaos@mail.ru

Статья посвящена малоизученным аспектам повседневной жизни немецких колоний Саратовского Правобережья. Автор анализирует семейный, правовой и имущественный статус женщины в немецкой крестьянской семье, рассматривает проблемы отношений между супругами, родителями и детьми.

Ключевые слова: семья, брак, развод, супруги, родители, дети.

The Women and Children Problem in German Families of the Saratov Right-Bank Volga Region and its Transformation (mid 1760s – late 1920s)

O. S. Kalinina

The article is devoted to the underinvestigated aspects of the daily life of the German colonies of the Saratov Right-Bank Volga Region. The author analyses family, legal and property status of a woman in a German peasant family. The author also examines the relationships between the spouses, parents and children.

Key words: family, marriage, divorce, spouses, parents, children.

В последнее время исследователи особое внимание уделяют гендерному аспекту социальных проблем. При обращении к женской истории перемены в статусе женщины большин-

ством исследователей трактуются как результат развития социальных процессов и жизненного уклада населения. Следует отметить слабую разработанность этой проблемы на уровне регионов. Представляется актуальным выявить ситуацию с положением женщин и детей в немецких семьях в Саратовской губернии на протяжении 160 лет их проживания в регионе и сравнить её с ситуацией в семьях русских и иных соседей.

Как известно, в России имперского периода внутрисемейные отношения вплоть до конца её существования сохраняли патриархально-авторитарный характер, предполагавший строгую половозрастную иерархию с контролем главы семьи всех домочадцев и приоритетом семьи как целого над индивидуальными запросами. Подобная иерархия была характерна и для немецкой крестьянской семьи, в которой мужчина имел неограниченную власть. Женщина должна была беспрекословно слушаться своего мужа. Она выполняла все домашние дела, заведовала кухней, готовила пищу, пекла хлеб, топила печь. Помимо работы по дому заботой хозяйки были огород, уход за скотом, выделка пряжи, изготовление одежды для домочадцев. В зимнее время для пополнения семейного бюджета женщины занимались изготовлением суконных и льняных

тканей, прядением шерсти, разведением домашней птицы и т. п.¹

Несмотря на то что немецкая женщина по дому выполняла большую часть работы, она не имела права голоса в хозяйственном распоряжении².

Вот как охарактеризовал положение немецких женщин в семье Я. Е. Дитц: «Жена – раба своего мужа. Редко можно встретить среди других народов и сословий более угнетенное состояние женщины, чем у колонистов»³. Эти строки писались уже в начале XX века. К этому времени русские женщины добились для себя целого ряда семейных прав. Со второй половины XIX в. женщины получили право в случае неспособности супруга руководить хозяйством. Русская крестьянка могла представлять семью на сельском сходе, её интересы учитывались, и муж в русских семьях уже не имел полного самовластия⁴. В немецких селах сельские сходы подобного не допускали. Так, в 1867 г. сельский сход села Иловля отказался наделить землей женщин-сирот. Каменский окружной приказ встал на защиту женщин данного села и приговор схода оставил без утверждения⁵.

После перехода немецких колоний под общее административное управление (1871 г.) немецкие женщины были уравнены в правах с русскими, однако сильнейший консерватизм немецкой деревни не привёл к реальному улучшению их положения. Это вызывалось социально-психологическими пережитками, нежеланием мужчин признавать равенство женщин (социальное, политическое, экономическое).

Глава немецкой семьи за любой, даже незначительный проступок мог жестоко избить свою жену. В крестьянском понимании избивание жены являлось законным и естественным проявлением власти мужа. Немецкие крестьянки, так же как и русские⁶, обращались к защите и посредничеству местной администрации, жалуясь на поведение мужа в семье. Так, в 1812 г. на колониста села Норки Н. Гальцера его жена Анна подала жалобу в Контору опекунов иностранных. Анна Гальцер жаловалась, что муж её постоянно и жестоко избивал, обзывал. Однако, что удивляет, в той же жалобе она подчёркивала, что её детей от первого брака с умершим колонистом Вакером он никогда не бил⁷.

В немецких семьях имели место и случаи, когда муж выгонял свою жену из дома. Колонисту колонии Побочной Ягодно-Полянской волости Саратовского уезда Иоганну Гердту было известно, что у колонистки села Норки Норкской волости Камышинского уезда Елизаветы имелся незаконнорожденный младенец, тем не менее он всё же женился на ней. Но смириться фактом наличия у Елизаветы внебрачного ребёнка Иоганн Гердт так и не смог. Он постоянно упрекал свою жену в безнравственности, а в 1815 г. выгнал её из дома⁸.

Но были и случаи, когда мужья принимали незаконнорожденных детей своих жен и делали

их своими законными наследниками. Так, рапорт Сосновского окружного приказа в 1871 г. свидетельствует, что колонист села Таловка Иоганн Шульц охотно принял на правах наследника незаконнорожденного сына своей жены Кристины Карла-Густава⁹.

Иногда от тяжести и безысходности своего положения женщины сами убегали в родительский дом. Однако строгие деревенские нравы заставляли супругов восстанавливать семью¹⁰. В колонии Усть-Кулалинка от колониста Антона Каблера в течение 1798 г. жена несколько раз уходила в отцовский дом¹¹, но из-за осуждения со стороны общественного мнения вновь возвращалась к своему законному супругу.

Бывали случаи, когда из семьи убегал муж. Так, в 1819 г. в колонии Каменка сбежал от своей жены Иоган Гортман. Он получил годовой паспорт и устроился работать в Кузнецком уезде. Вернуться к жене отказался¹².

Для немецких крестьян, так же как и для русских¹³, наличие семьи являлось важнейшим признаком порядочности человека, его материального благосостояния и общественного веса. Подобные представления крестьян о ценности семьи препятствовали возможности расторжения браков. Особенно рьяно защитником семейных отношений выступала церковь, в прерогативе которой до 1917 г. оставались как официальные браки, так и официальные разводы. Церковь поощряла брак, развод рассматривался как грех (он разрешался лишь в случаях прелюбодеяния кого-либо из супругов). Сама процедура развода искусственно усложнялась, и формальный развод затягивался на многие годы, что приводило к новым проблемам в семейных отношениях.

В 1860 г. в колонии Починная (Крацке) крестьянин Людвиг Гидсон подал на развод в связи с тем, что считал свою жену развратной. Евангелическая лютеранская консистория отказала ему в разводе, так как было доказано, что его жена примерного поведения. Но из-за затянувшегося по времени разбирательства Людвиг Гидсон незаконно сошелся с колонисткой Марией-Елизаветой Дейниг, от сожительства с которой успел родиться ребенок¹⁴. Законная супруга обратилась в Сосновский окружной приказ с прошением заставить мужа оплачивать её содержание, поскольку Л. Гидсон отказал ей в этом. Приказ заставил Л. Гидсона выплачивать жене ежемесячно 5 руб. серебром¹⁵.

Кроме формального церковного развода в повседневной жизни немецких крестьян имели место «самовольные разводы», которые церковью не санкционировались. Дать количественную оценку этому явлению невозможно, так как оно не регистрировалось. Однако в архивных документах свидетельства о подобных разбирательствах встречаются. В частности, в 1852 г. в колонии Ключи (Моор) крестьянин Г. Вебер неофициально разошелся со своей женой Катериной, выгнав её

из дома. Об этом разводе стало известно лишь в 1860 г., когда Г. Вебер передумал и решил вернуть свою жену в семью. Он обратился с просьбой в Контору иностранных поселенцев, которая выяснила, что его жена сошлась с иностранцем Гапенштейном и проживала в колонии Гольй Карамыш. Катерина не была намерена возвращаться к своему законному мужу и решила официально с ним развестись. В качестве причин для развода она указала, что муж избивал её и был расточительным хозяином¹⁶.

Причина «самовольных разводов» заключалась в ужесточении церковью процедуры, длительности и дороговизне бракоразводного процесса. Лишь с передачей института брака из юрисдикции церкви в ведение административных органов, с установлением советской власти процедура разводов была значительно упрощена. Свободный развод осуществлялся по желанию одного или обоих супругов. Вопрос о разводе рассматривал суд, но при наличии обоюдного согласия супругов развод мог быть оформлен ЗАГСом¹⁷. Так с 1917 г. официальный развод для немецких крестьян стал доступным, а необходимость «самовольных разводов» отпала.

В патриархально-авторитарной системе внутрисемейных отношений дети занимали низшую ступень. Они должны были беспрекословно подчиняться родителям, старшим членам семьи, за непослушание их жестоко наказывали¹⁸. Воспитание детей в основном занималась мать. Воспитание сводилось к формированию у подрастающего поколения уважения и почитания родителей, старших. Суровые условия деревенской жизни наложили отпечаток на взаимоотношения поколений. Крестьяне были сдержанны в открытом проявлении родительских чувств. Однако суровость родителей по отношению к детям ни в коем случае не уменьшала заботы о них. Родители содержали, одевали, кормили своих детей, приучали к работе по дому, в поле. Публичность действий жителей села, «прозрачность» деревенских отношений обуславливали ответственность родителей за поступки своих детей. Так, 29 декабря 1870 г. в колонии Иозефсталь И. Эдельман и Иоганн Урих украли у колониста М. Клейна пшеницу на сумму 12 руб. Иоганн Урих был несовершеннолетним. Отец наказал его публично, нанеся 35 ударов розгой¹⁹. Малолетние колонисты воровали не только у своих соседей, но и у родственников. В частности, в 1871 г. в селе Олешня несовершеннолетние колонисты Г. Бангерт и Я. Шмидт обворовали своего дядю. Мальчики были наказаны родителями перед всей деревней²⁰. Кроме того, наказать провинившихся детей могли члены сельской администрации. В частности, в 1778 г. в колонии Елшанка (Гусарен) форштегер побил детей колониста И. Шофера за кражу голубей²¹.

Родители несли ответственность за все незаконные действия своих чад. Так, в 1870 г. Сосновский окружной приказ оштрафовал Петра Икеса из села Поповка за неправомерные действия его

сына Филиппа. Филипп побил вилами лошадь своего соседа Иоганна Лаха, которая была привязана к ограде гумна П. Икеса²².

Иногда шалости малолетних детей наносили вред не только частным лицам, но и всему селению. В частности, 15 мая 1911 г. в селе Гуссенбах дети из-за неосторожного обращения с огнем подожгли дом односельчанина. Пожар в этот день уничтожил 53 крестьянских дома с надворными постройками. Как было подсчитано позднее, ущерб составил 60 260 руб.²³

Тяготы крестьянского быта, отнимавшие у родителей большую часть времени, не позволяли осуществлять должного ухода за детьми. Первые годы жизни ребенка в крестьянской семье были самыми трудными. Более половины детей умирало, выживали физиологически наиболее сильные младенцы. Высокая детская смертность была связана с антисанитарными условиями быта, эпидемиями, плохим уходом и недосмотром родителей²⁴.

При исследовании ведомостей о происшествиях и несчастных случаях нетрудно понять, что немецкие малыши большую часть дня проводили на улице без должного родительского присмотра. Поэтому очень часто они становились жертвами быстрой верховой езды взрослых²⁵, тонули в колодцах²⁶, падали в котлы с кипящей водой²⁷, получали смертельные ожоги от огня²⁸. Нередко такие случаи происходили по прямой халатности родителей. 28 августа 1808 г. в селе Гнилушка Анна Сибен со своими маленькими детьми выехала в поле на жатву хлеба. Мать положила маленьких сына и дочь под телегу, рядом привязала лошадь. Лошадь отвязалась, наступила на девочку и раздавила её насмерть²⁹. В том же селе спустя 103 года, 17 июня 1911 г., крестьянские мальчики Игнат и Яков Ламбрехты напились ядовитого раствора, который был оставлен без надзора родителями во дворе. Раствор был приготовлен и предназначен для опрыскивания плодовых деревьев³⁰. Таким образом, семья Ламбрехтов из-за невнимательности взрослых в один день лишилась двух сыновей. Подобные случаи были нередки и в других колониях.

Вплоть до начала 1920-х гг. положение крестьянских детей в немецких семьях практически не менялось. Политика большевиков по вовлечению женщин в производство, общественную и политическую жизнь страны затронула, таким образом, и детей. Чтобы обеспечить женщине возможность участвовать в производстве, советское государство открывало детские сады, ясли. Эти учреждения оказывали не только практическую помощь женщинам (присматривали за детьми, обеспечивали питание ребенка), но и обучали женщин гигиене³¹.

В середине 1920-х гг. детские сады появились в селах Добринка, Розенберг, Семеновка и других³². Однако следует отметить, что таких учреждений было очень мало, открывались они

далеко не во всех немецких сёлах. Не хватало квалифицированного персонала для обслуживания детей, поэтому нововведения советской власти не смогли коренным образом изменить положения детей в сёлах.

Примечания

- ¹ Подробнее см.: Немцы в истории России : Документы высших органов власти и военного командования. 1652–1917. М., 2006. С. 102–116 ; Галлер П. К. Воспоминания. Быт немцев-колонистов в 60-х годах XIX ст. Саратов, 1927 ; Дитц Я. Е. История поволжских немцев-колонистов. М., 2000. С. 158 ; Плева И. Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М., 2000. С. 263.
- ² См.: Schmidt D. Studien über die Geschichte der Wolgadeutschen. Т. 1: Seit der Einwanderung bis zum imperialistischen Weltkriege. Pokrowsk ; Moskau ; Charkow, 1930. S. 111.
- ³ См.: Дитц Я. Е. Указ. соч. С. 380.
- ⁴ См.: Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 2003. С. 244.
- ⁵ Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 180. Оп. 1. Д. 743. Л. 125.
- ⁶ См.: Ворошилова С. В. Эволюция правового положения женщин в России в XIX – начале XX вв. Саратов, 2011. С. 305.
- ⁷ ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 79. Л. 10.
- ⁸ Там же. Д. 94. Л. 534.
- ⁹ Там же. Д. 1003. Л. 14 об.
- ¹⁰ Там же. Д. 449. Л. 25 об. ; Д. 50. Л. 61 об.
- ¹¹ Там же. Д. 30. Л. 263.
- ¹² Там же. Д. 114. Л. 27 об.
- ¹³ См.: Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 161.
- ¹⁴ ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 477. Л. 509 об.
- ¹⁵ Там же. Д. 477. Л. 510.
- ¹⁶ Там же. Д. 477. Л. 147–147 об.
- ¹⁷ См.: Нижник Н. С. Семья и брак в первые годы Совет-

ской власти // Новейшая история Отечества XX – XXI вв. : сб. науч. тр. Саратов, 2007. Вып. 2. С. 429.

- ¹⁸ См.: Дитц Я. Е. Указ. соч. С. 380.
- ¹⁹ ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 1002. Л. 279.
- ²⁰ Там же. Д. 1005. Л. 15.
- ²¹ Там же. Д. 30. Л. 227 об.
- ²² Там же. Д. 1005. Л. 42.
- ²³ Там же. Д. 8653. Л. 17 об., 20 об.
- ²⁴ Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 201. Оп. 1. Д. 170. Л. 1, 7 ; Ф. 201. Оп. 1. Д. 205. Л. 1 об., 4–4 об. ; Ф. 212. Оп. 1. Д. 25. Л. 9.
- ²⁵ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9766. Л. 37 об.
- ²⁶ Там же. Д. 8176. Л. 26 об. ; Ф. 180. Оп. 1. Д. 860. Л. 176 об. ; Д. 1005. Л. 119.
- ²⁷ ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 50. Л. 115.
- ²⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8176. Л. 26 об. Л. 29 об. ; Д. 9057. Л. 26.
- ²⁹ Там же. Ф. 180. Оп. 1. Д. 60. Л. 254.
- ³⁰ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8653. Л. 28.
- ³¹ См.: Градовская Ю. Культурность, гигиена и гендер : советизация «материнства» в России в 1920–1930-е годы // Советская социальная политика 1920–1930-х годов : идеология и повседневность. М., 2007. С. 252 ; Морозова Ю. А. Женщины в общественно-политической и экономической жизни немецкой Автономии (1918–1941 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003 ; Она же. Участие женщин в политической жизни Республики немцев Поволжья (1920-е годы) // Новый век : история глазами молодых : сб. науч. тр. аспирантов и студентов ист. фак. Саратов, 2003. Вып. 1. С. 277 ; Она же. Повышение общеобразовательного и культурного уровня женщин в АССР Немцев Поволжья в 1920–1930-е гг. // Новый век : история глазами молодых : сб. науч. тр. аспирантов и студентов ист. фак. Саратов, 2003. Вып. 2. С. 229 ; Рабжева М. В. Историко-социальный анализ семейной политики в России XX века // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 89.
- ³² Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 1660. Оп. 1. Д. 5. Л. 32.

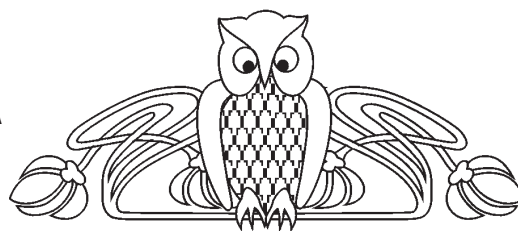
УДК 947+070

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ЖИТЕЛЕЙ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ НАЧАЛА XX ВЕКА (по свидетельствам местной печати)

С. В. Шпаковская

Пензенский государственный университет
E-mail: svetashpak1@mail.ru

Изучение материалов губернской печати начала XX в. объективно доказывает, что «Россия – страна, где ничего не меняется». Основные парадигмы развития остаются неизменными более

100 лет. Поэтому вполне можно говорить о том, что изучение данного исторического источника порождает в обществе социальный пессимизм.

Ключевые слова: губернская пресса начала XX в., реформы, российская действительность, парадигмы развития, социальный пессимизм.